

Шимун Врочек

Три мертвых бога

*Часть сборника
Сержанту никто не звонит
(сборник)*

Шимун Врочек
Три мертвых бога

«Автор»

2001

Врочек Ш.

Три мертвых бога / Ш. Врочек — «Автор», 2001

«— Рр-а-а-а! Воспоминание детства: ревущая толпа, вывернутые голыми руками камни мостовой. Улицы Скироса, ругань, беготня, крики... Дядька Флавий – огромный, всклокоченный, небритый – с глухим рычанием поднимающий над головой бревно. „Шлюхи!“, кричит дядька. Это просто и понятно. Даже мне, восьмилетнему мальчишке. Шлюхи – во дворце, дворец дядька с друзьями возьмет, всем будет радость. Даже мне, Титу, пусть я еще маловат для камня из мостовой... Впрочем, для шлюх я маловат тоже...»

© Врочек Ш., 2001

© Автор, 2001

Шимун Врочек Три мертвых бога

– Рр-а-а-а!

Воспоминание детства: ревушая толпа, вывернутые голыми руками камни мостовой. Улицы Скироса, ругань, беготня, крики... Дядька Флавий – огромный, всклокоченный, небритый – с глухим рычанием поднимающий над головой бревно. «Шлюхи!», кричит дядька. Это просто и понятно. Даже мне, восьмилетнему мальчишке. Шлюхи – во дворце, дворец дядька с друзьями возьмет, всем будет радость. Даже мне, Титу, пусть я еще маловат для камня из мостовой... Впрочем, для шлюх я маловат тоже.

Сейчас, набрав сорок лет жизни, став старшим центурионом Титом Волтумием, я понимаю, что дядька был прав: тот, кто ведет за собой, всегда называет сложные вещи простыми словами. Что было горожанам до свободы личности, до права и власти, до легитимности... или как ее там? Сложная вещь становится простой, когда вождь берет слово. Оптиматы – грязные свиньи, трибун – козел, патриции – шлюхи. Это было понятно мне, восьмилетнему...

И тем более понятно всем остальным.

– Рр-а-а-а!

Ревет толпа, бежит толпа. Поток, мутным, весенним, несущим мусор и щепки... И я, восьмилетний Тит, будущий задница-центурион, как меня называет легионная «зелень», тоже бегу.

...Когда навстречу потоку встал строй щитов, я подхватил с земли камень и швырнул изо всех сил. Эх, отскочил! «Молодец, пацан!», ухмыльнулся кто-то, вслед за мной нагибаясь за камнем. Бульжники застучали по щитам – легионеры выстроились «черепашей» (разболтанной и не слишком умелой, как понимаю я с высоты тридцати лет службы), но вреда каменный дождь нанес немного. Вскрикнул неудачливый легионер, центурион проорал команду: что-то вроде «держат равнение, обезьяны!», строй щитов дрогнул и медленно двинулся на нас.

Это было страшно.

Атака легиона – это всегда страшно. Иногда, проверяя выучку центурий, я встаю перед строем и приказываю младшему: шагом – на меня. Строем, без дротиков, молча... Озноб продирает хребет, скулы сами собой твердеют – кажется, я снова на улицах Скироса, и снова сверкающая змея легиона глотает улицу стадию за стадионом...

Я кричу: подтянись, левый край, не говно месишь!

Я говорю: четче шаг, сукины дети!

А после, снимая шлем, чувствую пальцами влагу на подкладке...

– Рр-а-а-а?!

Толпа не уверена. Толпа помнит: ей были обещаны шлюхи, а здесь, вместо того, чтобы покорно лечь и бесстыдно раскинуть голые ноги... Здесь глотает улицу бронзовая змея, змея легиона... Почему-то кажется: это был вечер, закат – в сумерках бунтовать веселее, легче, факелы – какой бунт без резвого огня? – в нетерпеливых руках. Шкура змеинная плавится бронзой...

Я, тогда черноволосый, ныне наполовину седой, смотрю. Прекрасный ужас наступающего легиона – я замер тогда, голова кружилась – замираю и по сей день, стоя перед строем и команда: шагом – на меня...

Строем, без дротиков, молча.

Дядька Флавий тоже растерялся в первый момент. Но он был умнее толпы (впрочем, даже восьмилетний мальчишка умнее ее) и он был вождем. Простой гончар, мастер, он не умел превращать воду в вино, как бог христиан, зато он умел другое...

Он делал сложное – простым.

– Менты позорные!

Дядька Флавий, бог толпы.

Спустя тридцать пять лет, вспоминая тот день, я вижу: бронзовая змея упирается толстым лбом в лоб бунтующего потока. Двери, доски, плечи – все пошло в ход, когда дядька Флавий сделал сложное простым. Скрипят кости. Я как наяву слышу тот звук – сминаемые тела, трескающиеся ребра. Давит легион, давит поток, никто не хочет отступить. Бронзовая змея против темного быка...

...Говорят, удав охотится, ударом головы оглушая жертву.

Дядька Флавий – в первых рядах, подпирает плечом огромную дверь. Вырванные с мясом бронзовые петли видны мне даже отсюда, со второго этажа, куда меня забросила чья-то заботливая рука. Подо мной – сплошной поток, без просвета. Кажется, спрыгнув вниз, я встану и пойду, как по усыпанному камнями стратуму, оглядываясь и примечая: вот Квинт, скобарь, в перекошенном рту не хватает половины зубов, вот Сцевола, наш сосед, рыжий, как...

Вот дядька Флавий, весь из жил и костей, плечом – в дверь, словно за ней – счастливая жизнь, в которую не пускают. Но дядька сильный, он пробьется...

– Рр-а-а-а! А-а-а!

Из задних рядов легионеров летят дротики.

...Он всегда был силен, мой дядька – даже когда лег под градом дротиков, то умер не сразу. Центуриону пришлось дважды вонзать в него меч, и дважды пережить конвульсии умирающего... Центурион, плотный и краснолицый, казался мне жутко старым, хотя, думаю, он тогда был моложе, чем я сейчас...

Так умер бог толпы.

... – Я хочу стать солдатом.

– У тебя белое лицо, мальчишка. Еще великий Цезарь говорил: испугайте человека. Если его лицо покраснеет – он храбр, если же побледнеет... Ты – трус, а мне не нужны трусы. Пошел прочь, недоросль!

Трибун цедит слова, гордясь высокомерной, нахвтанной – не своей, ученостью. Он молод, лет на семь старше меня, тринадцатилетнего, и ему есть чем похвастаться. Он читал «Записки о Галльской войне», он помнит Цицерона и, наверное, процитирует по памяти «Природу вещей». Мое образование проще: мятеж, дядька Флавий, короткий меч, входящий между ребер, долгие скитания, одиночество, голод и боль... Зато я знаю то, чего не знает кичливый трибун второй когорты семнадцатого легиона.

Я знаю: сложное можно сделать простым.

Я ухожу.

... – Я хочу стать солдатом.

В повадках центуриона есть что-то волчье, хищное, словно бы обладатель повадок недавно вышел из леса и завернулся в человеческую шкуру: кряжистую, с крепкой шеей. Седой ежик венчает круглую лобастую голову. Глаза смотрят задумчиво.

– Дурак, – говорит центурион, широкая ладонь почти ласково прикасается к моему затылку, сбивает с ног. – Ты молод и глуп.

Центурион уходит.

– А ты – старый козел! – кричу вдогонку. – Я достаточно храбр, чтобы сказать это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.